

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/ANCHSR>
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)52

НИКОЛАЙ ЛЕСКОВ И ВИКЕНТИЙ КОРОТЫНСКИЙ: К ИСТОРИИ ТВОРЧЕСКОГО ДИАЛОГА

© 2026 г. М.А. Кучерская

*Хэнаньский университет, Кайфэн, КНР;
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия
Дата поступления статьи: 19 октября 2025 г.
Дата одобрения рецензентами: 11 ноября 2025 г.
Дата публикации: 25 сентября 2026 г.*

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-II-3-206-223>

Аннотация: В центре настоящей статьи — практически неизученный эпизод литературного ученичества Н.С. Лескова у польского литератора Викентия Коротынского. Лесков посвятил ему раннюю повесть «Житие одной бабы» (1863), что, на наш взгляд, было не просто дружеским жестом, но и признанием того, что поэма Коротынского «Томило» (1858) повлияла на сочинение Лескова и помогла начинающему автору выработать ключевые особенности его поэтики. В статье выявляются сюжетные, композиционные и стилистические параллели между двумя произведениями. Особое внимание уделяется тому, как обращение к поэтике поэмы «Томило», в частности к фигуре сказителя и песенной стихии, послужило важным импульсом в освоении техники сказа. Именно в «Житии одной бабы» этот прием, впоследствии один из самых любимых у Лескова, был применен впервые. Между поэмой Коротынского и повестью Лескова наблюдается и структурное сходство в построении нарратива: сложная повествовательная рамка с двумя рассказчиками у Коротынского (Борживой и автор, появляющийся во вступлении к поэме и представляющий читателям рукопись сказителя) напоминает и, вероятнее всего, определяет систему рассказчиков у Лескова (простонародный сказитель и автобиографический персонаж в эпилоге). В конечном итоге данное исследование позволяет существенно уточнить литературный генезис Лескова и вписать его раннее творчество в русско-польский литературный контекст.

Ключевые слова: Н.С. Лесков, Викентий Коротынский, русско-польские литературные связи, сравнительное литературоведение, «Житие одной бабы», «Томило», сказ, поэтика, литературное влияние

Информация об авторе: Майя Александровна Кучерская — кандидат филологических наук, профессор, Хэнаньский университет, ул. Минлунь, д. 85, 475001 район Шуньхэ, г. Кайфэн, провинция Хэнань, КНР; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Старая Басманная ул., д. 21/4, 105066 г. Москва, Россия. <https://orcid.org/0000-0002-1007-6426>

E-mail: mayakuch@gmail.com

Для цитирования: Кучерская М.А. Николай Лесков и Викентий Коротынский: К истории творческого диалога // Studia Litterarum. 2026. Т. II, № 3. С. 206–223. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-II-3-206-223>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 11, no. 3, 2026

NIKOLAI LESKOV AND WINCENTY KOROTYŃSKI: TOWARD A HISTORY OF THE CREATIVE DIALOGUE

© 2026. Maya A. Kucherskaya

Henan University, Kaifeng, China;

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Received: October 19, 2025

Approved after reviewing: November 11, 2025

Date of publication: September 25, 2026

Abstract: This article focuses on a virtually unstudied episode in Nikolai Leskov's literary apprenticeship under the Polish writer Wincenty Korotyński. Leskov dedicated his early novella *The Life of a Peasant Woman* (1863) to Korotyński, which, in our view, was not merely a friendly gesture but an acknowledgment that Korotyński's poem *Tomilo* (1858) had influenced Leskov's work and helped the budding author develop key features of his own poetics. The article identifies plot, compositional, and stylistic parallels between the two works. Particular attention is paid to how Leskov's engagement with the poetics of *Tomilo* — specifically, its use of a folk narrator and song-like elements — served as a crucial impulse for his mastery of the *skaz* technique. It was in *The Life of a Peasant Woman* that this device, which later became one of Leskov's trademarks, was first employed. A structural similarity in narrative construction is also observed between Korotyński's poem and Leskov's novella: the complex narrative frame with two narrators in *Tomilo* (Borživoj and the author, who appears in the introduction to present the narrator's manuscript to the readers) closely resembles and, in all likelihood, determined the system of narrators in Leskov's work (a folk narrator and an autobiographical character in the epilogue). Ultimately, this research allows for a significant refinement of Leskov's literary genesis and situates his early work within a Russian-Polish literary context.

Keywords: Nikolai S. Leskov, Wincenty Korotyński, Russian-Polish literary relations, comparative literature, *The Life of a Peasant Woman*, *Tomilo*, *skaz*, poetics, literary influence

Information about the author: Maya A. Kucherskaya, PhD in Philology, Professor, Henan University, Minglun St., 85, 475001 Shunhe District, Kaifeng, Henan, China; National Research University Higher School of Economics, Staraya Basmannaya St., 21/4, 105066 Moscow, Russia. <https://orcid.org/0000-0002-1007-6426>

E-mail: mayakuch@gmail.com

For citation: Kucherskaya, M.A. "Nikolai Leskov and Wincenty Korotyński: Toward a History of the Creative Dialogue." *Studia Litterarum*, vol. 11, no. 3, 2026, pp. 206–223. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-11-3-206-223>

1. Введение: Лесков и польская литература

Миф о Лескове «как о самом русском из русских писателей» [13, с. 502], прочно укоренившийся и в зарубежном, и в советском литературоведении [15; 17], долгое время тормозил изучение его произведений в компаративистской перспективе. Между тем Лесков был внимательным читателем многих переводных произведений, следил за переводами, публиковавшимися в литературных журналах, испытал влияние Диккенса, Гюго, По, Стерна, а также многих славянских авторов, и в первую очередь польских [10; 11; 14; 19].

Польский и украинский языки Лесков выучил в годы жизни в Киеве, в конце 1850-х гг., там же он прочитал и свои первые книги на польском языке [4, с. 155]¹. По свидетельству библиографа, литератора и мемуариста П.В. Быкова, не всегда точного в своих мемуарах, но в данном случае передающего очевидно достоверную реплику [8, с. 44–46], в самом начале 1860-х гг. Лесков был чрезвычайно увлечен польской литературой. Вероятнее всего, осенью 1861 г. он признавался Быкову: «Сейчас я стремлюсь показать людям жизнь, какова она есть, а скоро выступлю и как “изящный словесник”... Увлекаюсь в свободные минуты польской литературой. Какие силы в ней есть! Например, Сигизмунд Качковский, Корженевский, Крашевский, про поэтов уж и не говорю... Эдакая красота!» [2, с. 308].

В это время Лесков уже активно сотрудничал с разными изданиями как репортер и публицист, но не сочинял художественную прозу. Он поде-

¹ См. также собственные свидетельства писателя о том, что он свободно читал и говорил по-польски [20, т. 3, с. 252, 264–266]. Позднее Лесков перевел роман Ю.И. Крашевского, перевод был опубликован в 1876 г. [9; 12]. Пользуясь случаем сердечно поблагодарить П.М. Лавринца за помощь в работе над этой статьей.

лился с Быковым читательскими впечатлениями на пороге писательства, к которому уже готовится («скоро выступлю и как изящный словесник»), и значит, не только Гоголь и Пушкин, которых Лесков цитирует в своих публицистических ранних работах особенно охотно, но и польские авторы стали для него литературными учителями. В разговоре с Быковым Лесков называет имена трех известных польских писателей: Сигизмунда Качковского (1825–1896), Иосифа Корженевского (или Юзефа Коженевского) (1797–1863), Юзефа Крашевского (1812–1887).

Его литературные связи с польскими литераторами, равно как и отношение к Польше и полякам, не раз обсуждались специалистами [8; 14; 19], и все же пока за пределами исследовательского внимания остались многие ключевые проблемы и вопросы в этой области: до сих пор не рассматривалась эволюция взглядов Лескова на «польский вопрос», динамика развития польской темы в его произведениях на разных этапах его литературного пути, соотносённость его политических взглядов с образами поляков в его художественных текстах (в первую очередь «Некуда», «На ножах», «Соборях»). Однако тщательное изучение этих вопросов — дело будущего, в настоящей статье мне хотелось бы сосредоточиться на небольшом эпизоде лесковской «литературной учебы» у польского автора, а именно влиянии поэмы «Томило» польского поэта Винцента Коротынского на повесть Лескова «Житие одной бабы» (1863). Этот как будто довольно маргинальный сюжет тем не менее дает ценный материал для вполне широких обобщений: он позволяет обнаружить дополнительные смысловые акценты в истории взаимоотношений Лескова с польской литературой, рассмотреть возможный претекст повести «Житие одной бабы» и точнее прописать литературный генезис Лескова-писателя, в частности, указать на вероятный источник одного из самых его любимых приемов — сказа.

2. Знакомство с Коротынским

Личное знакомство с польскими литераторами Лесков свел во время заграничного путешествия в 1862 г. в Литву и Белоруссию. Тогда журналист и публицист, делающий самые первые шаги в художественной прозе, Лесков отправился в эту командировку по поручению газеты «Северная пчела»: редакция попросила его выяснить на месте, каковы преимущества планируемого строительства Литовской, или Белостокско-Пинской, железной

дороги, а заодно проветриться и отвлечься от скандала, вызванного в либеральной прессе лесковской статьей о петербургских пожарах («Северная пчела», 1862, № 143 (30 мая)). Впечатления от поездки, начавшейся 6 сентября 1862 г. в Петербурге и завершившейся между 25 и 27 ноября (по старому стилю) в Париже, Лесков изложил в путевых очерках, опубликованных «Северной пчелой» в декабре 1862 г. под названием «Из одного дорожного дневника» и «Русское общество в Париже» [20, т. 3, с. 51–57, 185–271].

Эти очерки, описывающие впечатления писателя от его длинного путешествия по Северо-Западному краю, оказались буквально пропитаны цитатами из известных польских авторов 1850–1860-х гг. Лесков цитирует стихи из сборника белорусско-польского поэта, «сельского лирика», Владислава Сырокомли (псевдоним Людвиг Кондратовича) «Сказки, мимо-летные рифмы и переводы», повесть Иосифа Корженевского «В поисках жены» (1858), путевые очерки Юзефа Крашевского, «Воспоминания Полесья, Волыни и Литвы» (1858) [22; 23; 25] — двух последних авторов Лесков упоминал в той самой беседе с Быковым. Ссылается Лесков и на неоднократно переиздававшуюся поэму Антония Мальчевского «Мария» (см., например: [24]), Адама Мицкевича, а также других, менее знаменитых польских сочинителей [20, т. 3, с. 15, 17, 103, 141]. Кажется, будто мир за окном поезда он воспринимал сквозь призму польской поэзии и прозы.

Лично с польскими литераторами Лесков познакомился на первой же остановке пути, в городе Вильно. Лесков оказался здесь спустя три дня после похорон поэта Владислава Сырокомли, на которых присутствовало «почти все Вильно» [20, т. 3, с. 12]. В этом городе он начал общаться и с несколькими авторами круга Сырокомли, в том числе с его секретарем и учеником, поэтом Винцентием или Викентием Коротыньским (1831–1891). Коротыньский сочинял стихи на белорусском и польском языках, вероятно, был автором антиправительственного стихотворного воззвания «Гуторка старого деда», широко распространявшегося в списках, работал в газете *Kurier wileński* («Виленский вестник») и трудился в Виленской археологической комиссии, единственном научном учреждении в Литве, своеобразном исследовательском и издательском центре [7, с. 51–52].

Лесков и Коротыньский быстро сблизились — они были одногодками, кроме того, их объединяла общность отдельных биографических обстоятельств: сын крепостного крестьянина, Коротыньский не получил система-

тического образования и во многом, как и Лесков, который доучился лишь до третьего класса гимназии, был необычайно одаренным самоучкой, самостоятельно освоившим профессию редактора и журналиста. Изрядную часть пути писатели проделали вместе, проехав от Пинска до Львова² и проведя рядом больше месяца. Отношения их продолжались некоторое время и после этого [16, с. 277–278], а спустя год свою первую большую повесть «Житие одной бабы» («Библиотека для чтения», 1863, № 7–8) Лесков посвятил Викентию Коротынскому и отправил ему оттиск повести с шутильвыми надписями на польском языке³.

«Житие одной бабы» было опубликовано летом 1863 г. — в разгар сражений русской армии с польскими повстанцами и антипольской пропагандистской кампании⁴, но, похоже, отсылка к польскому поэту не воспринималась ни самим Лесковым, ни редакцией как фрондерский жест.

Причины посвящения повести Коротынскому никогда не обсуждались в исследовательской литературе, более того, П.М. Лавринец полагает, что факт посвящения повести поэту «не следует переоценивать» [7, с. 52]. Между тем, на наш взгляд, посвящение «Жития одной бабы» было отнюдь не случайным или импульсивным жестом, продиктованным исключительно симпатиями доброму товарищу: мы предполагаем, что в этом присутствовал и литературный смысл — намек на диалог Лескова с поэмой Коротынского «Томило. Картины народной жизни» (1858) [25], издание которой тот, скорее всего, подарил Лескову во время встречи в Вильно [7, с. 51–52].

3. «Житие одной бабы» и поэма «Томило»

Судя по всему, Лесков внимательно прочитал поэму «Томило» и учел многие художественные решения Коротынского при работе над собственной «народной повестью» [20, т. 2, с. 807] «Житие одной бабы». Лесков рассказывает в ней о трагической судьбе крепостной девушки Насти. Из расчета Настин брат выдает ее замуж за «гугнивого» и убогого Гришку Прокудина. Когда Гришка отправляется на заработки в Киев, в Настю влюбляется женатый красавец Степан, взаимно. Влюбленные счастливы до тех

2 Об отношениях Лескова и Коротынского см.: [7; 16].

3 «Читай, но не лай. Хоть лай, но читай» [20, т. 2, с. 808].

4 Так же как и публикация Лесковым новеллы с польским названием „Kochanko moja! na co pam goznowa?” в июле 1863 г. [16, с. 271].

пор, пока в деревню не возвращается Настин муж. Пара пытается бежать, но попадает в острог, Степан умирает от тифа, Настя, которую выпороли и отпустили, впадает в беспамятство, скитается по окрестностям деревни, пока не замерзает в лесу. В самом конце повести родные места навещает сын здешнего барина — герой, максимально приближенный к автору.

Поэма Коротынского «Томило» открывается вступлением, в котором автор сообщает, что следующий далее рассказ был изложен его товарищем, Борживым, почившим недавно прямо у него на руках. Борживой, как сообщает Коротынский, страдал всем несчастным, сам был чудачком, странником, правдолюбом, но, что не менее важно, сочинял целые современные романы в стихах. Один из таких стихотворных романов достался автору — свиток о судьбе крестьянина Томило. После этого вступления начинается собственный рассказ Борживого.

Борживой навещает места, где вырос и провел юность, здесь он и становится свидетелем печальной истории бедного Томило. Крестьянин вынужден был отправиться в город на ярмарку и продать единственного любимого коня Пегого, чтобы заплатить подать барину и накормить голодных внуков. Но на ярмарке цыган и еврей крадут у него вырученные за коня деньги и обрекают Томило на голодную смерть.

От потрясения старик практически лишился рассудка. В полубреду он вернулся домой, в родную деревню. Но на этом его беды не кончились. Кульминацией трагедии стало ложное обвинение Томило в том, что он ограбил костел, сняв с чудотворной иконы золото. Измученного и уже полубезумного старика заковали в колодки и повезли на телеге в острог, рассказчик предсказывает его скорую гибель. Однако Коротынский избегает мрачной развязки: завершается поэма обращением автора к Богу и видением — на землю спускается Новый Иерусалим.

Сопоставление «Жития одной бабы» и поэмы «Томило» обнаруживает немало общего. В первую очередь это этнографизм и обращение обоих авторов к фольклорным текстам: Коротынский описывает крестьянскую жизнь — работу на поле, торговлю на ярмарке, включает в поэму пословицы и поговорки, песни, легенду о постройке костела, сказочные сюжеты о дележе урожая и о Горе. В повести Лескова также описываются детали крестьянского быта, он рассказывает, как крестьяне жнут, косят, гонят масло, мнут пеньку, тоже цитирует поговорки, пословицы и народ-

ные песни⁵. По наблюдению П.М. Лавринца, в обоих текстах разворачивается мотив сумасшествия главного героя и столкновение его с представителями государственной власти [7, с. 54]. Добавим, что при сопоставлении поэмы и повести можно обнаружить и другие сюжетные и композиционные пересечения: в обеих присутствуют пейзажные зарисовки⁶, подробно описывается деревенская свадьба, веселая у Коротынского, напоминающая похороны у Лескова.

Автор «Жития одной бабы», вероятно, учел и использование Коротынским массовых сцен с участием множества безымянных персонажей, «толпы» — это сцены, в которых народ едет в город на ярмарку, торгует на рыночной площади, пьет и слушает сказителя [21, гл. 19, с. 34, гл. 21–22, с. 36–39, гл. 28, с. 55]. В «Житии одной бабы» массовых сцен тоже немало — это и святочные гадания девушек с подблюдными песнями, и свадьба Насти и Григория, и жатва. Понятно вместе с тем, что массовые сцены необходимы для изображения народной, «роевой» жизни, и, возможно, обращение к ним продиктовано именно необходимостью описывать это коллективное существование деревенских жителей, что, впрочем, не исключает того, что учился этому Лесков именно у Коротынского. Итак, целый набор тематических и структурных параллелей позволяет рассматривать поэму Коротынского как претекст повести Лескова и отчасти объяснить посвящение ему «Жития одной бабы».

4. Нарративная структура и сказ

И все же отдельные из этих мотивов и ходов Лесков мог найти и в русскоязычных этнографических очерках и рассказах, тем более что к началу 1860-х гг. страницы русских литературных журналов были буквально наводнены рассказами и повестями из простонародной жизни, принадлежавшими перу Д.В. Григоровича, И.С. Тургенева, В.И. Даля, Марко Вовчок,

⁵ О композиционной роли песен в «Житии одной бабы» см.: [5, с. 132–137; 6, с. 188–194].

⁶ Ср. картину осеннего заката [21, гл. 3, с. 7], осенней мглы над землей [21, гл. 26, с. 30] у Коротынского и пейзажи у Лескова: ночной сад у Крылушкина «В саду Крылушкина ночью был какой-то покой жизни, чуткое ухо могло только подслушать, как колеблемые теплым ветерком листки перешептывались с листками, а в густой траве вели свой тихий говор ночные козявочки. В училищном саду все было светло, но печально, как на кладбище. Хрупкие ветви старых деревьев не шевелились от легкого ветерка, и внизу негде было гулять маленьким полуночникам, резвившимся в изумрудной густой траве крылушкинского сада» [20, т. 3, с. 160], сцена ночного [20, т. 3, с. 167].

А.А. Потехина, А.Ф. Писемского, Н.В. Успенского, П.И. Якушкина, а также «крестьянских» стихотворений и поэм Н.А. Некрасова (подробнее см.: [3, с. 125–159]).

Эти публикации сопровождались бурными спорами публицистов и критиков об изображении крестьянской жизни в литературе. В активную фазу они вступили в 1850-е гг., после выхода в свет статьи Павла Анненкова «По поводу романов и рассказов из простонародного быта» (1854), утверждавшего, что «простонародная жизнь не может быть введена в литературу во всей своей полноте без малейшего ущерба для истины», поскольку русские писатели еще не выработали адекватных форм для этого, к тому же им не хватает глубокого знания крестьянских реалий [1, с. 361]. Но к началу 1860-х гг. сделать высказывание, с одной стороны, оригинальное, с другой, в «адекватной», как предлагает Анненков, простонародной жизни форме, становилось все сложнее: художественных текстов о крестьянах на русском языке было написано уже немало. К тому же лесковские амбиции лежали в области не только правдивого, но и оригинального, не похожего на других изображения крестьян, причем не «сочиненных», т. е. не искусственных, а реальных. Об этом свидетельствует высказывание, сделанное Лесковым в том же 1863 г. в серии очерков «Русское общество в Париже», печатавшихся, кстати, как и «Житие одной бабы», в «Библиотеке для чтения» (№ 5), и давно ставшее хрестоматийным: «Я не изучал народ по разговорам с петербургскими извозчиками, а я вырос в народе на гостомельском выгоне с казанком в руке, я спал с ним на росистой траве ночного, под теплым овчинным тулупом, да на замашной панинской толчее за кругами пыльных замашек, так мне непристойно ни поднимать народ на ходули, ни класть его себе под ноги. <...> По-моему, пейзажи Григоровича не только гораздо поэтичнее, но и гораздо живее, чем сахарные добродетельные мужички Небольсина, или дураки Успенского, или ядовитые халдеи Левитова и многих позднейших рассказчиков. Все эти люди сочиненные, или уж не в меру опозтезировавшие, или не в меру охаянные без проникновения в их Святая Святых» [20, т. 3, с. 206–207].

Предположительно в поисках *нового языка* для описания крестьянского мира Лесков и вглядывался в иноязычную изящную словесность. В русских очерках и повестях о простонародной жизни, текстах с формальной точки зрения по преимуществу прямолинейных и идейно, и структур-

но, и стилистически, он, вероятно, не находил достаточного материала для решения собственных художественных задач. В итоге он нашел то, что искал, и в стихотворениях Сырокомли — на уровне идей (в очерках «Из одного дорожного дневника» неоднократно цитируются его стихотворения для иллюстрации той или иной идеи, например стихи о назначении поэта или о слепом подражании иностранцам [20, т. 3, с. 13, 133–134]), и в поэме Коротынского «Томило» — на уровне поэтики, построения нарратива. Принципиально, что историю Томило рассказывает не автор, а сказитель, Борживой, судьба которого описана в предуведомлении Коротынского. Не менее важно и то, что «Томило» — поэма, сочинение в стихах. И именно нарративная рамка, введение фигуры сказителя и поэтическая форма могли подсказать Лескову, находящемуся на этапе литературного ученичества, ключевые художественные решения при создании его собственной повести.

Повествование в «Житии одной бабы» ведет рассказчик с четко артикулированными стилистическими особенностями:

Маленький мужичонко был рюминский Костик, а злющий был такой, что упаси господи! В семье у них была мать Мавра Петровна, Костик этот самый, два его младшие брата, Петр и Егор, да сестра Настя. Петровна уж была-таки древняя старуха, да и удушье ее все мучило, а Петька с Егоркой были молодые ребятки и находились в ученье, один по башмачному мастерству, а другой в столярах. Оба были ребятки вострые и учились как следует. Дома оставалась только сама Петровна с Настей да с Кости́ком. Все они в ту пору были еще крепостными и жили в господском дворе. Панок их был у нас на Гостомле из самых дробных; всего восемнадцать душ за ним со всей мелкотой считалось, и все его крестьяне жили тут же в его дворе на месячине, — земли своей не имели. Житье было известно какое — со всячинкой; но больше всего донимала рюминских крестьян теснота [20, т. 2, с. 114].

Голос рассказчика здесь очевидно смоделирован, подчеркнуто разведен с нейтральным, авторским и имитирует разговорную речь — с помощью просторечий, диалектизмов, поговорок и напевности интонации, иными словами, перед нами несомненно *сказ*. «Житие одной бабы» — первое большое художественное произведение Лескова, написанное с опорой именно на этот стилистический прием. В опубликованном несколькими месяцами

ранее рассказе «Овцебык» повествование также ведет рассказчик, но он выражается грамотно, литературно и максимально приближен к автору⁷.

Итак, в «Житии одной бабы» отчетливо обозначена дистанция между автором и рассказчиком, судя по осведомленности последнего, жителем деревни на речке Гостомля, в которой и разворачивается действие повести. Любопытно, что в финале повести, после сообщения о смерти Насти, а значит, и завершении «жития» главной героини, внезапно появляется *еще один рассказчик* — явно автобиографический персонаж, голос которого звучит совершенно литературно и вместе с тем стилистически нейтрально, его речь освобождена и от диалектизмов, и от просторечий: «Я был в Гостомле прошлым летом. Лет пять я уже не видал родных мест. Перед тем я жил безвыездно в столице, начитался рассказов из народного быта, и мне начало сдаваться, что я, выросший на гостомельском выгоне между босоногими ровесниками, раззнакомился с народной жизнью. “Съезжу-ка я на Гостомлю, посмотрю, что там завяло и что на место завялого выросло”» [20, т. 3, с. 209]. Отметим, что ссылка на «рассказы из народного быта» помещает «Житие одной бабы» в актуальный литературный контекст и подчеркивает формальный прием, которым пользуется Лесков: персонификацию второго рассказчика, автобиографического персонажа, судя по всему, литератора.

«Житие» завершается приездом повествователя в родные места. Вся последняя часть повести по сути играет роль эпилога — рассказчик сообщает о череде смертей персонажей повести и дальнейшем развитии событий в жизни тех, кто уцелел. Одной из центральных в этой части оказывается сцена наказания неверной жены — ее секут «за непочтение мужу и за прочие грешки» [20, т. 2, с. 210], в которых, впрочем, как выясняется, виноват ее свекор. По большому счету за годы отсутствия рассказчика дома немногое изменилось: местный священник по-прежнему сражается со знахарями, на ярмарках так же процветает воровство, особенно много воруют лошадей.

Поэма «Томило» начинается с того, чем «Житие» завершается: лирический герой поэмы Коротынского сообщает, что навестил родовую де-

7 Ср.: «Когда я познакомился с Василием Петровичем, его уже звали “Овцебыком”. Кличку эту ему дали потому, что его наружность необыкновенно напоминала овцебыка, которого можно видеть в иллюстрированном руководстве к зоологии Юлиана Симашки. Ему было двадцать восемь лет, а на вид казалось гораздо более. Это был не атлет, не богатырь, но человек очень сильный и здоровый, небольшого роста, коренастый и широкоплечий» [20, т. 2, с. 27].

ревню, «прадедову ниву» на Немане, во второй главе поэмы он смотрит на знакомые ивы, хаты („Te same chatki, oparte na szczudła, / Drobnemi okny patrząją litośnie“ [21, гл. 2, с. 5]), исхудавшее стадо коров, бредущее с поля, а затем слышит крик сборщика подати и видит старика Томило, который пашет в одной рубашке землю и увещевает своего коня. Историю Томило излагает именно этот лирический герой, очевидно Борживой.

Можно предположить, что подобная структура поэмы — автор-нарратор (Коротынский) — нарратор-персонаж (Борживой) — подсказала сходное художественное решение Лескову: усложнить повествование — включить и нарратора-персонажа, и автора-нарратора⁸.

В «Томило» постоянно звучат песни — это песня каравайниц, песня Грицка, свадебная песня дружек. Можно предположить, что включение песен в текст поэмы обусловило и обращение Лескова к песенной стихии, широко представленной и в «Житии одной бабы»: фрагмент из народной песни используется в качестве эпиграфа («Ивушка, ивушка, ракиновый кусток»), а затем в повести приводится еще одиннадцать развернутых цитат из народных песен. Песня противостоит тяжести и бедности крестьянского быта и вместе с тем одухотворяет этот быт; песни создают необходимую автору эмоциональную атмосферу, и именно через песни не книжные герои Лескова выражают себя, свои чувства. Интерес Насти к Степану зарождается благодаря тому, что Настя слышит, как Степан поет ночью, а роман их начинается с того, что Настя подхватывает песню, которую запекает Степан. Столь обильное цитирование народной лирики в «Житии одной бабы» можно, на наш взгляд, рассматривать как результат влияния поэмы Коротынского на поэтику прозаической повести⁹.

Сходны и концовки поэмы Коротынского и повести Лескова. В финале «Томило» звучит прямое обращение к Богу:

Panie, o Panie! widzę Cię w Twém dziele!
Tyś nic niestworzył bez celu, potrzeby <...>

8 Не стоит смешивать эту схему с нарративной конструкцией любимого Лесковым Гоголем в «Вечерах на хуторе близ Диканьки»: «Вечера» открываются предисловием рассказчика — пасичника Рудого Панько, но фигура нарратора-автора в них отсутствует.

9 Характерно, что в романе «Некуда», сочинявшемся в то же время, что и «Житие одной бабы», польские и русские подпольщики-революционеры дружно поют песни, на польском и русском, в том числе на слова Сырокомли (глава «Свои люди» [20, т. 4, с. 292–296]).

Czytam i wierzę — i widzę nad głową
Idącą z niebios JERUZALEM NOWĄ!¹⁰

Коротынский придает земному бытию небесное измерение, смягчая таким образом безотрадность только что рассказанной истории Томило. В природе всюду царит порядок, поэтому лирический герой надеется, что придет он и в мир людей.

«Житие одной бабы» также завершается на высокой лирической ноте. Четырнадцатилетний мальчик Миша, сын местного помещика (и, похоже, брат Лескова), рассказывает, что вместе с другими мальчиками из класса учит крестьянских ребят грамоте и читает стихотворение А.Н. Майкова «Нива» (1856). Так же как и поэма, повесть завершается молитвой лирического героя. Он просит Бога о духовном хлебе для крестьян:

О боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай — дары святые неба;
Но, хлебом золотя простор ее полей,
Ей также, господи, духовного дай хлеба! [20, т. 2, с. 214]

Смысловой акцент повести смещается, в отличие от написанной до крестьянской реформы 1861 г. поэмы Коротынского, в которой подчеркивается несвобода и зависимость крестьянина, Лесков указывает, что теперь, когда крепостное право отменено, крестьянин острее всего нуждается в просвещении.

5. Заключение: роковой вопрос

Судя по всему, спустя шесть лет авторитет Коротынского в глазах Лескова ослабел. В сентябре 1869 г., очевидно чувствуя себя уже зрелым писателем, Лесков причислил Коротынского к заурядным литераторам [20, т. 8, с. 186]. «Житие одной бабы» так и не было переиздано при жизни Лескова,

¹⁰ «Господи, о Господи! вижу Тебя в Твоем творении!
Ты ведь ничто не создал без цели, без нужды <...>
Я читаю и верую — и вижу над головою
Идущий с небес НОВЫЙ ИЕРУСАЛИМ!» <Перевод наш. — М.К.> [21, с. 94].

но не исключено, что, решишь он на переиздание, повесть вышла бы уже без посвящения бывшему литературному учителю.

Тем не менее формирование поэтики Лескова происходило под прямым влиянием польской поэзии, в частности диалога с Винцентием Коротыньским. Поэма «Томило» могла послужить для Лескова серьезным импульсом в поиске подходящей его замыслу оригинальной художественной формы, в том числе в движении к впоследствии любимому его приему — сказу.

В завершение отметим, что незадолго до публикации «Жития одной бабы» в русской прессе развернулся скандал, вызванный публикацией в журнале «Время» (№ 4, 1863) статьи Николая Страхова «Роковой вопрос», в которой он признавал культурное и цивилизационное превосходство поляков над россиянами (публикация этой статьи вскоре привела к закрытию журнала). Вместе с тем Страхов указывал на недостатки и слабости польской нации, но в итоге все же предлагал отказаться от насильственного включения Польши в состав Российской империи, дав возможность Польше войти в нее добровольно¹¹. Лесков, автор «Времени», во многом разделявший взгляды его редакции, двигался вполне в русле концепции Страхова: критикуя поляков за высокомерие даже по отношению к единомышленникам в России в политическом поле¹², он высоко ценил их литературу и в начале своего писательского пути охотно обращался к польским авторам как к учителям по литературному мастерству.

¹¹ Подробнее о статье Страхова и «польском вопросе» в российской прессе см.: [15; 18].

¹² Ср. карикатурные портреты польских подпольщиков в «Некуда» и эпизод ссоры русских с поляками в Париже в «Русском обществе в Париже».

Список литературы

Исследования

- 1 Анненков П.В. По поводу романов и рассказов из простонародного быта // «Современник» против «Москвитянина»: Литературно-эстетическая полемика первой половины 1850-х годов / подгот. А.В. Вдовина, К.Ю. Зубкова, А.С. Федотова. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 360–385.
- 2 Быков П.В. Силуэты далекого прошлого // Н.С. Лесков в воспоминаниях современников. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 202–234.
- 3 Вдовин А.В. Загадка народа-сфинкса. Рассказы о крестьянах и их социокультурные функции в Российской империи до отмены крепостного права. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 560 с.
- 4 Горелов А.А. Из дописательской биографии Н.С. Лескова // Прометей. М.: Молодая гвардия, 1983. Т. 13. С. 143–167.
- 5 Горелов А.А. Лесков и народная культура. М.: Молодая гвардия, 1988. 294 с.
- 6 Кучерская М.А. Лесков: Прозванный гений. М.: Молодая гвардия, 2021. 624 с.
- 7 Лавринец П.М. Н.С. Лесков и вильнюсские литераторы // Literatūra. 1989. № 31 (2): Literatūros ir kritikos klausimai. С. 44–56.
- 8 Лавринец П.М. Н.С. Лесков и польская литература: дис. ... канд. филол. наук. М., 1991. 213 с.
- 9 Лавринец П.М. Н.С. Лесков и Ю.И. Крашевский // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1991. № 5. С. 45–51.
- 10 Лавринец П.М. Польская поэзия в творчестве Н.С. Лескова // Проблемы изучения текста в лингвистике и литературоведении. М.: [б. и.], 1991. С. 94–101.
- 11 Лавринец П.М. Польская словесность и Н.С. Лесков // Вопросы лингвоэтики и литературоведения. М.: [б. и.], 1990. С. 115–122.
- 12 Лавринец П.М. Роман Ю.И. Крашевского «Графиня Козель» в переводе Н.С. Лескова // Филологические науки. 1991. № 1. С. 101–107.
- 13 Мирский Д.С. Лесков // Мирский Д.С. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года / пер. с англ. Р. Зерновой. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. С. 490–502.
- 14 Тесля А.А. Польская тема в публицистике Николая Лескова // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 4. С. 843–857.
<https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.402>
- 15 Bojanowska E.M. Empire by Consent: Strakhov, Dostoevskii, and the Polish Uprising of 1863 // Slavic Review. 2012. Vol. 71, № 1. P. 1–24.
<https://doi.org/10.5612/slavicreview.71.1.0001>
- 16 Edgerton W.B. Leskov moraliste malin // Revue des études slaves. 1986. Vol. 58, № 3: Nikolaj Semenovič Leskov 1831–1895. P. 271–280.
<https://doi.org/10.3406/slave.1986.5520>

- 17 *Kucherskaya M.* Comrade Leskov: How a Russian Writer was integrated into the Soviet National Myth // Russian National Myth in Transition. Acta Slavica Estonica, VI. Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia, XIV / ed. L. Kiseleva. Tartu: University of Tartu Press, 2014. Vol. VI, issue XIV. P. 187–207.
<https://doi.org/10.12697/SSE.2014.6.10>
- 18 *Maiorova O.* From the Shadow of Empire: Defining the Russian Nation through Cultural Mythology, 1855–1870. Madison: University of Wisconsin Press, 2010. 293 p.
- 19 *Szyszkowski T.* Mikołaj Leskowski i jego związki z Polską. Warszawa: Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego, 1996. 152 s. (Filologia; 9).

Источники

- 20 *Лесков Н.С.* Полн. собр. соч.: в 30 т. М.: Терра, 1992–... Т. 1–15.
- 21 *Korotyński W.* Tomiło: obrazek z życia ludu / wydany przez Wincentego Korotyńskiego. Wilno: I. Krasnosielski, 1858. XVI, 120 s.
- 22 *Korzeniowski J.* Wyprawa po żonę. Petersburg: B.M. Wolff, 1858. Т. 2. 278 s.
- 23 *Kraszewski J.I.* Wspomnienia Wołynia, Polesia i Litwy. Paryż: Drukarnia J. Claye, 1860. [8], 144 s.: il.
- 24 *Malczewski A.* Marja: powieść ukraińska. Poznań: Księgarnia J.K. Żupańskiego, 1862. 63 s.
- 25 *Syrokomla W.* Gawęd, rymów ulotnych i przekładów. Wilno: Nakładem Księgarni Adama Assa, 1861. [4], 192 s.

References

- 1 Annenkov, P.V. "Po povodu romanov i rasskazov iz prstonarodnogo byta" ["On the Novels and Stories from Common People's Life"]. *"Sovremennik" protiv "Moskvitianina": Literaturno-esteticheskaia polemika pervoi poloviny 1850-kh godov* ["*Sovremennik* against "Moskvitianin": Literary and Aesthetic Polemics of the First Half of the 1850s], comp. by A.V. Vdovin, K.Iu. Zubkov, A.S. Fedotova. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2015, pp. 360–385. (In Russ.)
- 2 Bykov, P.V. "Siluety dalekogo proshlogo" ["Silhouettes of the Distant Past"]. *N.S. Leskov v vospominaniiakh sovremennikov* [N.S. Leskov in the Memoirs of His Contemporaries]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2018, pp. 202–234. (In Russ.)
- 3 Vdovin, A.V. *Zagadka naroda-sfinksa. Rasskazy o krest'ianakh i ikh sotsiokul'turnye funktsii v Rossiiskoi imperii do otmeny krepostnogo prava* [The Riddle of the Sphinx-People. Stories about Peasants and Their Socio-Cultural Functions in the Russian Empire before the Abolition of Serfdom]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2024. 560 p. (In Russ.)
- 4 Gorelov, A.A. "Iz dopisatel'skoi biografii N.S. Leskova" ["From the Pre-Writing Biography of N.S. Leskov"]. *Prometei* [Prometheus], vol. 13. Moscow, Molodaia Gvardiia Publ., 1983, pp. 143–167. (In Russ.)
- 5 Gorelov, A.A. *Leskov i narodnaia kul'tura* [Leskov and the Folk Culture]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1988. 294 p.
- 6 Kucherskaia, M.A. *Leskov: Prozevannyi genii* [Leskov: The Overlooked Genius]. Moscow, Molodaia Gvardiia Publ., 2021. 624 p. (In Russ.)
- 7 Lavrinets, P.M. "N.S. Leskov i vil'niusskie literatory" ["N.S. Leskov and Vilnius Writers"]. *Literatūra*, no. 31 (2): Literatūros ir kritikos klausimai, 1989, pp. 44–56. (In Russ.)
- 8 Lavrinets, P.M. *N.S. Leskov i pol'skaia literatura: Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk* [N.S. Leskov and Polish Literature: PhD Dissertation in Philology]. Moscow, 1991. 213 p. (In Russ.)
- 9 Lavrinets, P.M. "N.S. Leskov i Iu.I. Krashevskii" ["N.S. Leskov and J.I. Kraszewski"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 9. Filologiiia*, no. 5, 1991, pp. 45–51. (In Russ.)
- 10 Lavrinets, P.M. "Pol'skaia poeziiia v tvorchestve N.S. Leskova" ["Polish Poetry in the Works of N.S. Leskov"]. *Problemy izucheniia teksta v lingvistike i literaturovedenii* [Problems of Text Study in Linguistics and Literary Studies]. Moscow, 1991, pp. 94–101. (In Russ.)
- 11 Lavrinets, P.M. "Pol'skaia slovesnost' i N.S. Leskov" ["Polish Literature and N.S. Leskov"]. *Voprosy lingvopoetiki i literaturovedeniia* [Questions of Linguopoetics and Literary Studies]. Moscow, 1990, pp. 115–122. (In Russ.)

- 12 Lavrinets, P.M. "Roman Iu.I. Krashevskogo 'Grafinia Kozel' v perevode N.S. Leskova" ["J.I. Kraszewski's Novel *Countess Kosel* in the Translation by N.S. Leskov"]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], no. 1, 1991, pp. 101–107. (In Russ.)
- 13 Mirskii, D.S. "Leskov" ["Leskov"]. *Istoriia russkoi literatury s drevneishikh vremen do 1925 goda* [A History of Russian Literature from the Earliest Times to 1925], trans. from English by R. Zernova. London, Overseas Publications Interchange Ltd Publ., 1992, pp. 490–502 (In Russ.)
- 14 Teslia, A.A. "Pol'skaia tema v publitsistike Nikolaia Leskova" ["The Polish Theme in the Journalism of Nikolai Leskov"]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriia*, vol. 68, no. 4, 2023, pp. 843–857. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.402> (In Russ.)
- 15 Bojanowska, Edyta. "Empire by Consent: Strakhov, Dostoevskii, and the Polish Uprising of 1863." *Slavic Review*, vol. 71, no. 1, 2012, pp. 1–24. <https://doi.org/10.5612/slavicreview.71.1.0001> (In English)
- 16 Edgerton, William. "Leskov moraliste malin." *Revue des études slaves*, vol. 58, no. 3: Nikolaj Semenovič Leskov 1831–1895, 1986, pp. 271–280. <https://doi.org/10.3406/slave.1986.5520> (In French)
- 17 Kucherskaya, Maya. "Comrade Leskov: How a Russian Writer was integrated into the Soviet National Myth." *Russian National Myth in Transition. Acta Slavica Estonica*, VI. *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*, XIV, ed. Liubov Kiseleva, vol. VI, issue XIV. Tartu, University of Tartu Press, 2014, pp. 187–207. <https://doi.org/10.12697/SSE.2014.6.10> (In English)
- 18 Maiorova, Olga. *From the Shadow of Empire: Defining the Russian Nation through Cultural Mythology, 1855–1870*. Madison, University of Wisconsin Press, 2010. 293 p. (In English)
- 19 Szyszko, Tadeusz. *Mikołaj Leskow i jego związki z Polską*. Warszawa, Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego, 1996. 152 s. (Filologia; 9). (In Polish)